

Ян Гарлицки

Политическая культура польского общества

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Польша, политическая культура, динамика, общество

Введение

Понятие «политическая культура» определяют по-разному. Американские социологи политики утверждают, что мышление о политической реальности, в центре внимания которого находится взаимосвязь свойств политических институтов с обычаями народа и способом восприятия обществом политических решений и действий, предпринимаемых властями, необычайно весомо. Истоки такого подхода можно найти в концепциях древних философов. В Польше одним из первых, кто обратился к понятию *политическая культура*, был Юзеф Семенски. В 1916 году в Варшавском университете он выступил с приуроченным к 125 годовщине принятия первой в Европе конституции докладом, посвященным политической ориентации польского общества в период существования Великого Сейма. В реферате *Конституция 3 мая 1791 года как выражение польской политической культуры*¹ Ю. Семенски ввел тогда понятие «политическая культура»². Политическая культура – это все еще существенный сектор исследования сферы политики. Ошибочными

¹ J. Siemieński, *Konstytucja 3 Maja 1791 jako wyraz polskiej kultury politycznej. Odczyt wygłoszony na uroczystym obchodzie rocznicy 3 Maja w UW*, wyd. „Koła Prawników” studentów UW, Warszawa 1916.

² J. Garlicki, *The Political Culture of Polish Society*, [в:] S. Sulowski (ред.), *The Political System of Poland*, Warsaw 2007, с. 170.

оказались взгляды некоторых социологов и политологов, утверждавших, что с момента научного определения понятия и применения в исследованиях американских ученых в середине шестидесятых годов категория «политическая культура» потеряла актуальность и не используется сейчас в исследованиях политической ориентации и общественной активности населения. В то же время, без привязки к категории политической культуры сложно объяснить политические явления и способ функционирования демократии в странах Центральной и Восточной Европы. Именно политическая культура и ее традиции представляют важную основу для процессов трансформации политических систем в странах, вновь обретающих независимость и возможность самоопределения после падения блока коммунистических государств. Не следует рассчитывать на формирование консолидированной демократии без политической культуры разрешающей плюрализм, характеризующейся участием хотя бы части населения в общественной жизни, и формирующей демократические модели поведения в сфере политики и ведения политических споров, открытых, но не выходящих за определенные рамки. Демократия – это не только система организаций, это также комплекс ценностей, обычаев и механизмов функционирования общества, признанных большинством граждан, и определяющих некоторые культурные модели поведения и деятельности в сфере политики³.

На характер и осуществление системных реформ в Центральной и Восточной Европе, именуемых трансформацией системы, оказывал влияние ряд факторов. Одни из них – это определенные «универсальные неотвратимые процессы»⁴. Другие – специфические явления и процессы, по-разному складывающиеся и проходящие в странах бывшего блока коммунистических государств. Неоднократно исследователи убеждали в том, что принципиальные изменения системы обычно проходят на нескольких уровнях, что, с одной стороны, придает им глубокий и неотвратимый характер, с другой же – вызывает ряд сложностей, ведет к социальной и культурной травме, а также предполагает сильную дифференциацию перемен в различных странах. Данная дифференциация в значительной степени обусловлена различиями в моделях политической культуры в отдельных государствах. В связи с этим культурная основа перемен неоднородна в различных обществах и способствует более легкому принятию определенных перемен, и ограничению, или

³ J. Garlicki, *Traditions an Dynamics in the Political Culture of Polish Society*, [в:] J. Błuszkowski, S. Sulowski (ред.), *Dilemmas of Polish Transformation*, Warsaw 2010, с. 147.

⁴ См. M. Ziółkowski, *Cztery funkcje pamięci społecznej (przypadek Polski)*, [в:] A. Kodera, K.Z. Sowa (ред.), *Los i wybór. Dziedzictwo i perspektywy społeczeństwa polskiego. Pamiętnik XI Ogólnopolskiego Zjazdu Socjologicznego*, Rzeszów 2003, с. 444 и сл.

блокированию другого рода преобразований. Клаус Оффе утверждает, что процесс трансформации осуществляется в Центральной и Восточной Европе на трех уровнях: политическом, экономическом и социально-культурном⁵.

Роберт Путнам, анализируя модель и функционирование демократии в Италии, высказал мнение о том, что форму системы и ее изменения определяют три составных компонента: государство, или иначе говоря, политическая система, рынок, или экономическая система, а также общество, а именно – его политическая культура⁶.

В различных – как видно – концепциях можно увидеть аналогичный способ определения элементов, важных как для самого осуществления системных реформ, так и для дальнейшего функционирования демократической системы. Можно сказать, что политическая культура, как правило, представляет собой сущность процесса формирования и функционирования того, что социологи и политологи привыкли называть гражданским обществом.

Следует задуматься над тем, какие свойства политической культуры, определяемой как «(...) ориентация общества в целом, социальной группы (...) относительно политики (...), находящая выражение в конкретном, вербальном поведении»⁷, могут способствовать становлению зрелого гражданского общества. Существенным является также то, вносит ли сам процесс трансформации политической системы значительные изменения в политическую культуру общества, а если да, то в каком направлении они движутся. Стоит также определить, является ли политическая культура польского общества плюралистической во времена развития процессов демократизации системы, и имеет ли она черты демократической культуры, свойственной гражданскому обществу.

Традиции и историческая основа политической культуры поляков

Анализ изменений политической культуры польского общества в период трансформации политической системы не может быть достоверным и обстоятельным без представления традиций, т.е. исторической основы политической культуры в Польше. Это важно, потому что модели идеологического и политического поведения могут и, как правило, имеют значительное влия-

⁵ См. С. Offe, *Drogi transformacji. Doświadczenia wschodnioeuropejskie i wschodniemieckie*, Warszawa–Kraków 1999, с. 39 и сл.

⁶ См. R. Putnam, *Demokracja w działaniu*, Kraków 1996, с. 284.

⁷ J. Garlicki, *Kultura polityczna młodzieży studenckiej*, Warszawa 1991, с. 26.

ние на характер и формирование типов политической культуры в современном обществе.

В Польше существуют многовековые плюралистические традиции. Например, в период шляхетской демократии (со второй половины XVI века) и Польши перед разделами (конец XVIII в.) государство было неоднородным во многих аспектах. Прежде всего, это был национальный плюрализм, поскольку в Речи Посполитой семнадцатого и восемнадцатого веков доминировало несколько наций. Наряду с этническими поляками здесь проживали литовцы, украинцы, белорусы, немцы и евреи. Неоспоримым фактом был культурный плюрализм. Общество было также неоднородно в религиозном аспекте. Среди этнических поляков доминировала Римская Католическая Церковь, однако, присутствовали такие религиозные общины, как лютеране, кальвинисты, анабаптисты и даже мусульмане. Ближе к восточной границе широкое распространение имела Греко-Католическая и Православная Церковь. Национальному, культурному и религиозному плюрализму сопутствовала политическая система, имеющая немало полицентрических свойств. Непрерывное существование независимой плюралистической шляхетской республики окончательно прервал третий раздел Польши (1795 г.). Однако традиции независимости и непокорности помогли полякам пережить более ста лет отсутствия суверенного существования государства. Во времена разделов важным оружием в борьбе за обретение независимого государства было национальное сознание поляков, поддерживаемое и формируемое великими литературными произведениями. Период разделов показал, что поляки способны к национальным порывам, подтверждением чего были восстания за независимость (Ноябрьское 1830–1831 и Январское 1863–1864). Данные традиции способствовали формированию культуры сопротивления – с одной стороны, и национальной интеграции – с другой. Иначе ситуация представлялась с общественной самоорганизацией поляков, хотя в конце XIX века популярными, по меньшей мере, у части польского общества, стали позитивистские модели, характеризующиеся культивированием «работы у основ», то есть образцы общественного функционирования, основывающегося на напряженной деятельности в пользу местной общности – как бы мы сегодня определили – и развития предпринимательства.

В 1944–1989 годы, то есть во времена, когда в Польше существовала моноцентрическая система в рамках Польской Народной Республики, польское общество было неоднородно в своих убеждениях и мировосприятии. Во второй половине сороковых годов XX в. вместе с изменением границ и созданием нового государства, система и общество приняли монистичную форму. Этот монизм был, однако, в большей степени видимым. Политическая система при коммунистическом правлении стала, бесспорно, моноцентриче-

ской. Исчез национальный плюрализм общества, поскольку после изменения границ основное большинство на территории всей страны теперь составляли этнические поляки. Польша должна была стать государством *одной нации, одной идеологии, одной религии*, вдобавок с централизованным правлением. Но уже вышеуказанное сочетание демонстрирует иллюзорность такой унификации. Противоречие заключалось хотя бы в сфере идейной жизни. Оказалось, что коммунистическую идеологию невозможно совместить с римско-католической религией. Не исчезли из страны национальные меньшинства, однако, отличные от поляков этнические группы составляют незначительную часть общественности нашей страны. Культурный плюрализм не прекратил своего существования. Все это время также и в политической жизни существовала относительная разнородность организаций и ориентаций. Она предполагалась как попытками создания новых организаций, усиливающимися, в частности, после общественных протестов, так и явной в некоторых периодах, хоть и не легализованной, деятельностью оппозиционных групп. Наиболее важным, однако, наряду с сопротивляющейся тоталитарным тенденциям культуре, в частности – литературе, носителем разнородности стало общественное сознание и политическая культура.

Именно в сознании поляков перенесены были в моноцентрическую систему демократические ценности и плюрализм политической ориентации. Образцы политической культуры предыдущих периодов являлись основой возникновения движений протеста и создания программ политической оппозиции. Задача сохранения ценностей была важным составным компонентом образа польской интеллигенции. Модели организации общественной жизни и рожденные в данной среде идеи неоднократно способствовали переменам, реформированию государства.

Политическая культура польского общества во времена Польской Народной Республики формировалась под влиянием двух существенных групп факторов. Во-первых, это были образцы, унаследованные из прошлого, как уже упоминалось ранее, содержавшие ряд прочно усвоенных плюралистических традиций. Во-вторых, политическая культура формировалась и менялась под влиянием политической системы *реального социализма*, характеризовавшегося моноцентризмом. Сутью данной системы было исключение или, по меньшей мере, ограничение существования институциональных альтернативных структур. Это означало ведение политики, своего рода, регламентации возможности существования различных организационных структур. А именно – вело к сокращению возможности создания партий и других политических организаций, или даже квази-политических, которые бы создавали конкурентные по отношению к доминирующей модели программы. Социальное поведение регулировалось единым центром политического

руководства, фактически не контролируемым обществом. Г.А. Алмонд, анализируя предпосылки формирования политической культуры в охваченных системой *реального социализма* странах Центральной и Восточной Европы, утверждал, что правление, и можно добавить – прежде всего, руководство коммунистических партий, старалось «установить организационную монополию и монополию средств массовой информации ... идеологический конформизм поощрялся, а отклонения строго наказывались. Местная и соседская общественности подлежали надзору партийных активистов»⁸. Данная краткая характеристика функционирования моноцентрических систем *реального социализма* четко передает суть их воздействия на общество. Осуществляемые в рамках такой системы попытки преобразования политической культуры обычно имеют только частичный результат. Исследуя явление политической культуры, необходимо помнить, что значительную роль играет опыт прошлого. Изначальная, сформированная в течение многих лет система ориентаций и мировосприятия сохранится в какой-либо форме, и в определенной степени в течение какого-либо периода сможет сопротивляться попыткам преобразования, возможно, уступит им либо частично, либо поверхностно. «...Как бы ни были масштабны усилия и репрессивная структура, – верно заметил Г.А. Алмонд, – какими бы ни были монополистскими и убедительными средствами информации и привлекательной система стимулов, политическая культура будет акцентировать внимание на серьезных ограничениях изменений структур и поведения, исходя из того, что ключевые модели будут иметь тенденции к сохранению в значительной степени и в течение значительного периода времени»⁹. Адекватным примером, подтверждающим обоснованность тезисов Г.А. Алмонда, является процесс формирования политической культуры общества в Польше в период ПНР. Невозможно в нескольких словах охарактеризовать период, составивший около половины века (с 1945 по 1989 годы), однако можно выделить несколько специфических свойств, общих для политической культуры различных групп польского народа в период *реального социализма*. Одним из них является диморфизм политической культуры, заключающийся в восприятии различных норм и ценностей, регулирующих сферу публичной и частной жизни. Образцы, формируемые моноцентрической политической системой, были заимствованы во внешнюю, публичную и – можно сказать – декларативную сферу жизни общества. В то же время, частная, семейная и локальная сферы были подвластны совершенно иным правилам. Там часто сохранялись

⁸ G.A. Almond, *Communism and Political Culture Theory*, “Comparative Politics” 1983, vol. 15, № 2, с. 127.

⁹ Там же.

модели политической культуры прошлого¹⁰. Явление несоответствия между тем, что признано важным в публичной жизни, и обычно поддерживается в декларативном аспекте, и практическими моделями поведения в повседневной жизни, проявляется не только в моноцентрических системах, было неоднократно описано социологами политики. Однако диморфизм, заключающийся в различных типах реакции одних и тех же людей в зависимости от того, находятся ли они в *официальной* ситуации, или свободно выражают свое мнение по конкретному вопросу в семейном кругу или среди друзей, был усвоен нормами публичной жизни *реального социализма*. Это основывалось – как верно заметил Джордж Кеннан – на *культуре видимости*. Данную ситуацию периода, предвещающего падение Восточного блока, прекрасно охарактеризовал Ральф Дарендорф. Он утверждал, что лишь немного людей в восьмидесятые годы верило в государственную идеологию, но «*ее все еще изучали в школах, а миллионы людей день за днем выставлялись на кислотный дождь стареющего новояза*»¹¹. Реальные механизмы повседневной жизни были на самом деле более прозаичны. Под идеологическим фасадом великого коллективизма, создаваемым моноцентрической системой в Польше, развивался малый коллективизм, межличностная проблематика. Другими словами, воплощение в реальности коллективизма, распространяемого официальными партийными и государственными структурами, встречало фактический барьер в виде личных схем, связей и сложного сплетения неформальных зависимостей. Явление создания соединенных сильными непосредственными и личными связями микроструктур присутствовало как в находящихся под угрозой репрессий неформальных группах политической оппозиции, так и в самих политических элитах.

Отношение многих граждан к распространяемому официальными государственными структурами социализму было многогранным и характеризовалось в том числе:

- негативной оценкой практики функционирования *реального социализма* в стране,
- негативной коннотацией понятия *социализм* и терминологии, шаблонно определяющей понятие *социалистический*,
- убеждением в необходимости перестройки социализма либо масштабных системных реформ,

и в то же время восприятием ряда ценностей, привнесенных доктриной социализма и популяризованных моноцентрической политической системой¹².

¹⁰ J. Garlicki, *The Political Culture of Polish Society...*, с. 175.

¹¹ R. Dahrendorf, *Rozważania nad rewolucją w Europie*, Warszawa 1991, с. 22.

¹² J. Garlicki, *The Political Culture of Polish Society...*, с. 176.

Во время формирования системы общественных организаций, существующих в эпоху ПНР, в действительности была нарушена моноцентрическая модель. В отдельные периоды создавались различные молодежные и общественные организации, которые не полностью реализовали принципы моноцентрической системы. Они создавали возможности, хотя бы потенциальные, к активным действиям для людей, не отождествляющих себя с социалистической системой. Все время в меньшей или большей мере действовали различные организации, клубы и общества, связанные с Католической церковью. Сами структуры Костела были активны в общественных вопросах, нередко даже в политических.

Таким образом, модели политической культуры только поверхностно остались в Польше времен членства в Восточном блоке, где доминировали принципы деятельности и структуры моноцентрической системы. Все это время сильно было влияние моделей, сформированных в предыдущих исторических периодах.

Во время существующей в Польше в период 1945-89 гг. моноцентрической системы, в частности – в семидесятые и восьмидесятые годы – значительная часть населения представляла именно тип политической культуры подчинения и участия. Ограничивающие, или даже исключаящие активное участие в политической деятельности барьеры имели тогда как объективный, так и субъективный характер. Среди объективных преград можно назвать, к примеру, отсутствие возможности ведения оппозиционной деятельности, или регламентированную возможность создания разного рода организаций. Часть населения имела, помимо этого, была убеждена в том, что активная деятельность в рамках существующей системы не лишена смысла. Другая часть сознательно отказывалась от осуществления какой-либо общественной деятельности, замыкаясь в кругу семьи и близких.

Трансформация политической системы и политическая культура поляков

Период поворота и начало процесса системной трансформации в Польше – это также интересный в исследовательском аспекте момент преобразований политической культуры. Одним из наиболее существенных событий, ускоривших осуществление системных реформ в Польше, была волна общественных протестов в августе 1980 года и создание профсоюза, по названию, а общественного движения, по сути – «*Солидарность*». Рабочие забастовки, имевшие место вначале восьмидесятых годов – это очередная волна протестов в послевоенной Польше. Ее обусловил ряд факторов. К ним можно

отнести отсутствие доверия к коммунистическому правлению, а также усталость части общества от системы, основанной на обещаниях светлого будущего и всеобщей справедливости, однако неэффективной в экономическом плане. Именно отсутствие экономической эффективности особенно явно ощутило на себе население во второй половине семидесятых годов, когда после периода роста потребления вначале декады стало ощущаться явное торможение и сокращение шансов удовлетворения возрастающих запросов, усиленное также снижением конъюнктуры в странах Западной Европы. Непосредственные причины протестов, это, с одной стороны, ухудшение материальных условий жизни, а с другой – все более раздражающие общественность ограничения свободы слова и свободы выражения взглядов и вероисповедания. Общественные протесты, в которых принимали участие различные и многочисленные группы общества, были выражением политической культуры. В значительной степени у их основания находились модели из прошлого. Они выражали настроения значительной части общества, не желавшего уже подчиняться той форме правления, которая не отвечала его запросам, потребностям и сформированным культурным моделям.

Не лишним было бы упомянуть, что также политическая культура правящих элит не составляла монолита. Можно констатировать реформаторские стремления части элит. Это проявилось, например, в неоднородном отношении аппарата власти и партийного аппарата к протестам. Существенным определителем взглядов и культуры политических групп, связанных с моноцентрической властью, можно признать тот факт, что каждый третий член правящей партии стал членом реформаторского общественного движения *Солидарность*.

События августа 1980 года наряду с тезисом о достойной жизни, символизировали протест против ограничений и деградации моноцентрической системы. Они внесли в традиции польской политической культуры гуманитарные ценности: «*достоинства, уважение к партнеру, самодостаточность, выход за пределы коллективных требований*»¹³.

Системные изменения и преобразования в политической культуре, спровоцированные августовскими протестами, были пресечены введением в конце 1981 года военного положения. Следовательно, были *заморожены* трансформации, которые возобновились через некоторое время вместе с позитивными для процесса перемен преобразованиями в международном окружении Польши, прежде всего, в Восточной Европе, а именно – Советском Союзе.

¹³ К.В. Janowski, *Kultura polityczna Polaków u progu XXI wieku*, [в:] К.В. Janowski (ред.), *Kultura polityczna Polaków*, Toruń 2010, с. 22.

На рубеже 1988 и 1989 годов в кругах правящей элиты в Польше сформировалась концепция проведения переговоров между правящей стороной и действующими нелегально, но все еще активными группами политической оппозиции. В результате, после предварительных консультаций в начале 1989 года были проведены переговоры за Круглым столом, где встретились представители партийно-правящей стороны и оппозиционных групп, прежде всего – *Солидарности*. Необходимо подчеркнуть также участие представителей иерархии Католического костела в Польше в инициировании и самом проведении переговоров за Круглым столом. Это активное участие Костела в общественных делах является также характерной чертой польской политической культуры. Переговоры за Круглым столом принесли повторную легализацию *Солидарности*, выборы, к участию в которых, правда, в ограниченной степени, были допущены группы до той поры нелегальной оппозиции, и устранение монополии партии и государства в СМИ. Данные события, бесспорно, являлись переломным моментом в процессе системных реформ в Польше. Консенсуальный стиль политической культуры преобладал над конфронтационным стилем. Начался процесс системной трансформации.

Плюрализм политической культуры, и перемены моделей поведения и типов активности граждан в Третьей Речи Посполитой

Парламентские выборы, состоявшиеся в июне 1989 года, предопределили направление дальнейших реформ в Польше. Они привели к формированию первого в Польше, после Второй мировой войны, некоммунистического правительства. Во время выборов были созданы гражданские комитеты. Они выражали политические взгляды и ориентации тех партий, которые не имели своего выражения и своих представителей в существующих до этого времени партиях (коммунистическая партия, партия рабочих и партия ремесленников). Потом начали формироваться новые группы, трансформирующиеся в партии. Когда в 1991 году были проведены первые свободные парламентские выборы в Польше, свои избирательные списки представило около шестидесяти партий и формирований. В Сейм РП по результатам выборов прошли депутаты из 29 избирательных списков, которые в дальнейшем в нижней палате создали 17 парламентских клубов (фракций). Это очень красноречивые доказательства политического плюрализма польского общества, а также проявление политической культуры, характерной чертой которой в течение нескольких веков в Польше является раздробленность политической сцены.

Воссоздание плюралистической модели польской политической сцены привело к большей гражданской активности населения. Стали динамично формироваться новые модели участия в политической жизни демократического общества. Более широкие круги населения принимали позиции, которые можно отнести к типу политической культуры участия. Однако постепенно активность поляков начала концентрироваться на экономических вопросах. Для одних профессиональная активность или ведение предпринимательской деятельности стали главной целью жизни, давая шансы материального роста. Другие, вследствие реформы экономической системы и изменяющихся экономических условий, были вынуждены защищать уже достигнутый ими экономический уровень. Ключевой ценностью, определяющей цели коллективной активности, стала идея экономического роста. Часть населения до определенной степени даже не совсем сознательно восприняла эту идею. Проблемы, связанные со сферой экономического уровня жизни и работой, а также – являющимся их продолжением – потреблением, поглотили энергию населения. Это привело к ограничению его публичной активности. Вначале девяностых годов у народа начало трансформироваться сознание того, что важно и ценно в жизни. Традиционно в Польше важным элементом считалась семья. Однако теперь выше стали цениться профессиональная карьера, личная экономическая ситуация, а меньшее значение стали уделять вопросам, касающимся общества в целом и политическим свободам¹⁴.

Интересные данные об определенных аспектах политической культуры поляков представляют результаты регулярно проводимых исследований. Их источником могут быть, например, опросы, систематические осуществляемые Центром исследований общественного мнения (CBOS). Важными и побуждающими к размышлениям являются результаты, касающиеся, по меньшей мере, пяти ключевых вопросов для анализа динамики политической культуры польского общества: доверия к политическим организациям и удовлетворения способом функционирования демократии (оценочно-эмоциональный компонент политической культуры)¹⁵, отношения к демокра-

¹⁴ J. Garlicki, A. Noga-Bogomilski, *Kultura polityczna w społeczeństwie demokratycznym*, Warszawa 2004, с. 177.

¹⁵ Согласно определению, сформулированному Я. Гарлицким, можно выделить **четыре компонента** политической культуры. Она состоит из: 1) интереса к политике, знаний о ней и понимания политических фактов (**когнитивный компонент**); 2) ценностей признанных и желаемых, касающихся политической системы и механизмов функционирования ее организаций (**аксиологический компонент**); 3) оценки политических явлений и отношения к политическим организациям (**оценочно-эмоциональный компонент**); 4) признанных моделей поведения в сфере политики и проверенных типов политической деятельности (**поведенческий компонент**). Определение поли-

тии и политическим предпочтениям (аксиологический компонент), а также политического участия (поведенческий компонент).

Существенным показателем состояния политической культуры общества, в частности – отношения населения к системе как целому, равно как и к тому, что называется иницирующими объектами, является уровень доверия к политическим организациям в данной системе. Важно то, кому доверяет население, какие институты имеют, по его мнению, авторитет, равно как и то, какой уровень доверия к организациям и институтам, другими словами, существуют ли субъекты, вызывающие больше доверия, чем сомнений относительно характера и пользы их деятельности. Иногда вопрос доверия можно рассматривать в символических категориях. Ведь некоторые институты становятся в сознании общества символами государственного существования, независимости или национальной идентификации.

После 1989 года начали происходить изменения в доверии поляков к политическим институтам. В первый период процесса системной трансформации возросло доверие к Сейму, незначительно, но явно сократилось доверие к Римско-католическому Костелу – институту, имеющему высокий уровень доверия в условиях моноцентрической системы. Появился ряд новых формаций. Одним из важнейших событий стало создание верхней палаты польского парламента – Сената. Доверие к Сенату изначально было также высоко. 1998–2001 годы приносят, однако, снижение оценок деятельности обеих палат парламента.

В конце 1998 года количество поляков, положительно оценивающих Сейм, превышало 40%, и было немногим больше группы граждан, формулирующих негативную оценку. В начале 2003 года три четверти участников опроса оценило Сейм негативно, и только четверть выставила ему хорошие оценки. Данная тенденция усугубляется. Аналогично ситуация выглядит с Сенатом, но разрыв между негативными и позитивными оценками не так велик. Наблюдение за явлениями сферы политической культуры в Польше позволяет, однако, утверждать, что это не неотвратимый процесс. Это скорее эффект утомления населения от конфликтов между политическими группами, ведущимися в парламенте, а также разногласий и расколов в правительственных коалициях. Население не только невысоко оценивает деятельность обеих палат, в особенности – нижней, но критично подходит к представляющим его депутатам. Одной из причин этого были выявление многих несоответствий и афер. Народ сейчас имеет возможность следить за деятельностью

тической культуры, расширяющее подход Г.А. Алмонда и Д.Б. Пауэлла аксиологическим компонентом (то есть признанные ценности) и поведенческим компонентом (поведение и политическая деятельность), автор разработал и опубликовал в книге: J. Garlicki, *Kultura polityczna młodzieży studenckiej*, Warszawa 1991, с. 26–30.

График 1. Отношение к деятельности Сейма.

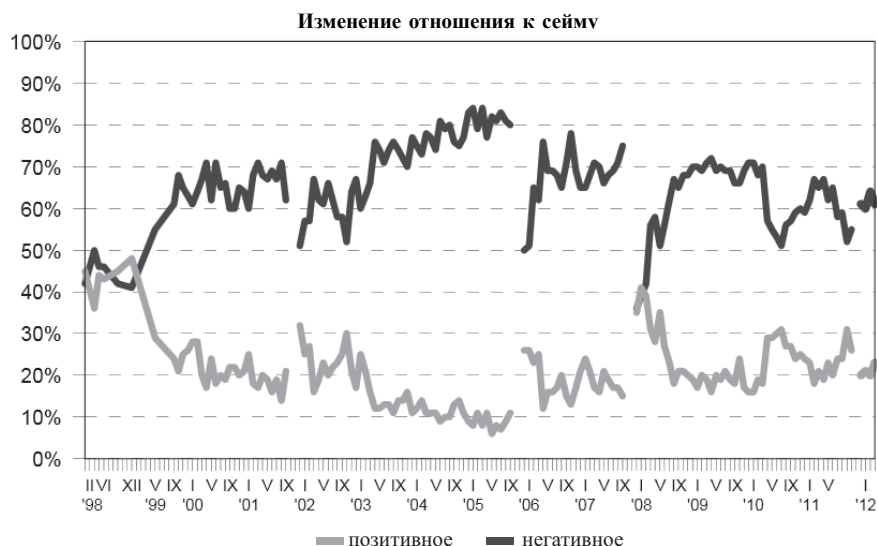
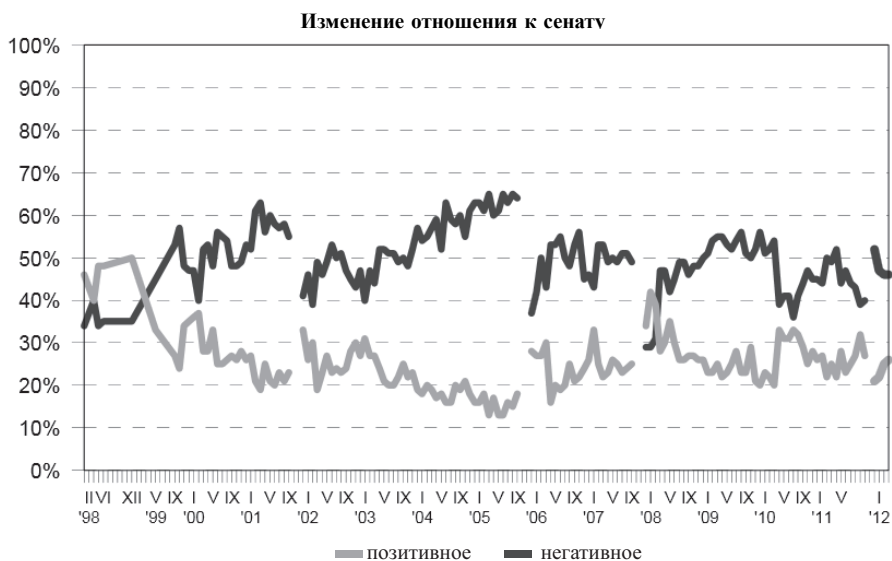

График 2. Отношение к деятельности Сената.

Источник: *Oceny instytucji publicznych*, komunikat CBOS, Warszawa 2012.

парламентариев с помощью средств массовой информации и ставит высокие требования к стандартам их работы. Оба явления – это важные и позитивные элементы формирующейся в условиях системной трансформации гражданской политической культуры. Можно также утверждать, что критическая оценка реального функционирования парламента находила основание в том, что можно назвать недостатком некоторых механизмов действия представительских органов, или шире – стандартами политической культуры части правящей элиты, не отвечающими требованиям развитой парламентской демократии. Такой рост негативных оценок – явление, имеющее временный характер, но все же тенденция не изменится за короткий отрезок времени, в частности без проявления каких-либо четких сигналов, свидетельствующих об изменениях в самых объектах политики, поддаваемых оценке. Необходимо также упомянуть, что системные реформы в Польше способствовали сильному пробуждению личных запросов, равно как и высоких ожиданий относительно функциональности системы и прозрачности демократических механизмов. Это, впрочем, очередные проявления перемен, которые могут позитивно повлиять на развитие гражданской политической культуры и укрепление в ней компонента участия. Однако, после позитивных эмоций, принесенных свободными выборами, и существованием плюралистического представительства в парламенте, пришел период выставления оценок, причем, по строгим критериям. Негативные оценки работы парламента не являются хорошей основой формирования социального капитала, базирующегося на доверии. Тем более, если к этому добавить то, что поляки скорее не оказывают друг другу доверия, не ощущают влияния на общественные вопросы и сомневаются в том, что государственная власть стремится к реализации их интересов.

Впрочем, критицизм охватил не только обе палаты польского парламента. Доверием не пользуются и политические партии, профсоюзы и правительство.

Представленные данные позволяют утверждать, что почти всеобщим доверием пользуются организации, осуществляющие благотворительную деятельность. Чаще всего поляки называют Большой оркестр праздничной помощи, которая не является официальной структурой, а общественным движением, работающим раз в год с целью проведения сбора денег на важные благотворительные цели. Высоко в иерархии общественного доверия находятся также Польский Красный Крест и Каритас, а далее армия. Доверие имеет также Римско-католическая Церковь, но уровень значительно снизился со времен моноцентрической системы государства.

В течение длительного времени поляки были недовольны способом, функционирования демократии в Польше. Относительно хорошо она воспринималась в 1996–1998 годы, но все время есть недовольные.

Таблица 1. Доверие к общественным организациям.

Организации/объединения институты	Доверяете ли Вы или не доверяете перечисленным организациям?						
	Абсолютно доверяю	Скорее доверяю	Доверие – в общем	Скорее не доверяю	Решительно не доверяю	Недоверие – в общем	Сложно сказать
	В процентах						
Большой оркестр праздничной помощи	48	41	89	5	2	7	4
Польский Красный Крест	22	59	81	7	3	10	10
Каритас	29	51	80	9	4	13	7
Армия	17	56	74	11	4	15	11
Харцерство	16	54	70	7	2	9	21
Римская Католическая Церковь	24	46	69	17	9	26	5
Полиция	8	57	65	20	8	28	7
Омбудсмен (Уполномоченный по правам человека в Польше)	10	49	60	11	5	16	24
Органы местного самоуправления города/гмины	6	52	58	23	7	31	11
Европейский Союз	7	51	58	19	7	26	16
НАТО	8	48	57	15	5	20	23
ООН	9	48	57	13	4	17	26
Институт национальной памяти	12	43	55	15	7	22	23
Суды	5	40	45	31	13	44	11
Чиновники органов государственной власти	2	43	45	30	12	41	14
Телевидение	3	41	44	38	11	49	8
Правительство	2	37	39	32	17	49	12
Крупные предприятия	2	33	35	26	9	35	30
Газеты	2	32	34	40	15	55	11
Другие Церкви	3	27	30	30	11	41	29
Профсоюзы	2	27	29	26	10	36	35
Сейм и Сенат	1	28	29	37	19	55	15
Политические партии	1	19	20	41	25	65	15

Источник: *Zaufanie społeczne*, komunikat CBOS, Warszawa 2012.

График 3. Уровень восприятия поляками функционирования демократии.

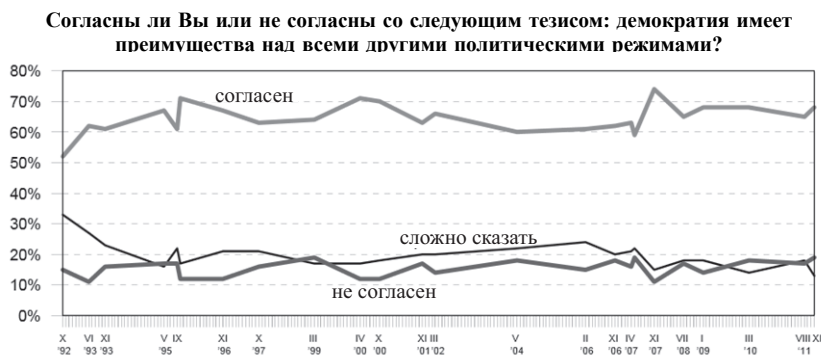
Источник: *Afiliacje polityczne sprzed roku 1989 a stosunek do przemian ustrojowych i poczucie wpływu na sprawy publiczne*, komunikat CBOS, Warszawa 2012.

В 2012 году более половины респондентов (53%) утверждали, что недовольны способом функционирования демократии в Польше. Стоит задать вопрос, являются ли эти данные показателем фактического, хотя и до определенной степени, скрытого, отсутствия одобрения демократического строя? Или скорее это «всего лишь» показатель отсутствия согласия с качеством правления и политическими элитами, являющегося явлением, характерным для многих европейских государств? Полезными в поиске ответа на данные вопросы являются данные, касающиеся того, лучше ли жить при нынешней системе, прежде всего, оценка демократии как системы реализации власти.

Две трети поляков убеждены, что в Третьей Речи Посполитой жить лучше, чем при предыдущей системе. Если же речь идет о фундаментальном вопросе отношения к демократии как форме правления, то – правда – мнения до определенной степени меняются, но практически в течение всего периода существования в Польше демократической системы, большинство граждан убеждены в превосходстве демократии над другими политическими режимами.

Последние исследования показали, что более двух третей поляков убеждены в том, что демократия имеет преимущество над другими формами правления. Следовательно, можно утверждать, что в рамках компонента политической культуры, определяемого как аксиологический, довольно распространена положительная оценка демократической системы.

График 4. Динамика оценки демократии как системы реализации власти.

Источник: *Opinie o demokracji po wyborach parlamentarnych*, komunikat CBOS, Warszawa 2011.

Политические предпочтения – результаты исследований и трех последних парламентских выборов указывают на перемещение политической ориентации населения в направлении правых сил. Однако это происходит в сфере политики и идейных деклараций, в то время, как по отношению к функциям государства неизменно сильны ориентации, которые можно назвать социальными. Народ желает сохранения и даже расширения социальных функций государства и привязан к его роли опекуна. Следовательно, нет большой уверенности в том, что перемещение вправо останется надолго, оно скорее имеет декларативный характер. Анализируя общественное мнение по различным вопросам, которые касаются системных решений, и просматривая программы двух доминирующих на польской сцене политических партий правой или правоцентристской направленности (т.е. Гражданской платформы и Права и справедливости), можно сделать вывод, что присутствует явление достаточно длительной неоднородности в ориентациях, как общества, так и политиков, выражающейся в различной трактовке идейно-политической и социально-экономической сфер.

Политическое участие – существенный определитель поведенческого компонента политической культуры общества – сформировалось на достаточно невысоком уровне, если его оценивать сквозь призму явки на выборах (хотя в последнее время можно заметить определенную мобилизацию части электората, например, на парламентских выборах в 2007 году). По результатам исследований можно констатировать, что 60–70% заявляет о том, что участвует в выборах, но часть не делает этого постоянно. Это модель периодического участия, что углубляет и так эпизодический характер такой формы политической активности. Но форм участия много. В Польше создано много

общественных организаций – NGOs [англ.]. Здесь участие – что важно для формирования гражданского общества – растет. Согласно исследованиям, обычно от 20 до 25 процентов поляков декларировало, что участвует в деятельности общественных организаций. В 2012 году данный показатель вырос до 32%. На основании представленных данных можно утверждать, что сфера такой активности, возможно, еще не очень широка, но все-таки имеет явную тенденцию к расширению.

Наибольшие показатели роста касаются участия в обществах, действующих в сфере образования, благотворительных и религиозных организациях. В течение последних четырех лет группа людей, принимающих участие в деятельности трех или более организаций, увеличилась с 4% до 8%. Если данная тенденция сохранится, это будет свидетельствовать о развитии гражданского общества благодаря движениям, обществам и организациям, формирующимся снизу. Это также стало бы доказательством более широкого распространения типа политической культуры участия (активистской). Стоит также добавить, что среди молодежи в последнее время повысилась популярность различного рода общественных организаций (NGOs). Чаще всего это организации, действующие в таких сферах, как образование (аналогично данным опросов, проведенных среди взрослых поляков), социальная помощь, здравоохранение и экология. Это еще один признак перемен происходящих в политической культуре польского общества.

Рассматривая вопрос в общем, в период системной трансформации в политической культуре поляков снова доминирующей стала модель подчинения и участия. Это не означает, что не произошло никаких перемен по сравнению с периодом *реального социализма*. Изменилось – как было представлено – очень многое. Сегодня барьером активного участия в политической жизни не является структура организаций моноцентрической системы. Нынешняя политическая система демократичная и плюралистическая. Препятствием же является рост заинтересованности и вовлеченности населения в экономическую сферу жизни. Произошло также своего рода разочарование части народа в механизмах демократии. В небольшой степени возросло ощущение влияния на политические решения. Многообразие партий привело скорее к сложностям в изучении их программ и в осуществлении выбора занятыми повседневными делами поляками. Результатом влияния данных явлений является переменность электората и перемещение поддержки избирателей с одной партии на другую. Однако, можно заметить распространение проявлений активистской политической культуры. Об этом свидетельствует рост участия в деятельности общественных организаций.

Таблица 2. Участие поляков в общественных организациях.

В Польше существуют различные возможности общественной деятельности. Посвящаете ли Вы свое свободное время деятельности в какой-либо организации, обществе, движении, клубе или фонде? Речь идет об участии в работе в данной/данных организации/й, а не только о принадлежности к ней.	Процент положительных ответов из общего количества респондентов										
	II 1998	XII 1999	I 2002	I 2004	I 2006	I 2008	I 2010	I 2012			
Организации, действующие в сфере образования, просвещения, например родительский комитет, родительский совет, школьный фонд, фонд ВУЗа, Общество просвещения	4,5	5,5	3,2	4,2	4,8	4,8	8,0	6,9			
Благотворительные организации, действующие для нуждающихся детей	1,2	2,9	1,0	2,4	3,5	2,4	5,1	5,6			
Религиозные, церковные организации, движения, общины	3,6	3,9	2,0	3,9	3,4	2,8	4,5	5,4			
Благотворительные организации, действующие для нуждающихся людей – пожилых, бедных, бездомных, больных, с особыми потребностями, жертв стихийных бедствий, войн и т. п.	1,5	2,8	1,3	2,4	2,1	2,4	4,0	4,8			
Спортивные организации (союзы, клубы и общества)	2,2	3,1	2,7	4,8	3,5	2,8	5,8	4,0			
Общества, союзы дачников, животноводов, растениеводов, рыболовов, охотников	2,4	3,1	1,8	2,9	2,5	1,6	3,3	4,0			
Добровольные подразделения пожарной охраны, Добровольные отряды горной спасательной службы и т. п.	3,0	2,0	3,0	2,2	3,4	1,4	2,7	3,2			
Художественные организации, общества, напр. хор, оркестр, танцевальный или театральный коллектив	0,9	1,8	0,9	1,9	1,6	0,8	2,6	2,9			
Профессиональные союзы	3,2	4,8	3,3	3,8	3,9	3,2	2,1	2,8			
Молодежные организации, напр. харцерство, молодежные клубы, студенческие союзы и общества	1,5	2,0	2,1	2,3	2,3	1,8	3,2	2,7			
Организации пенсионеров, клубы для пожилых людей	1,4	1,4	1,2	1,8	1,8	1,2	1,8	2,6			
Самоуправления районов, кварталов, напр. советы жильцов, домашние комитеты	1,0	1,2	0,3	1,0	1,2	0,9	1,6	2,3			
Комитеты, занимающиеся решением какого-либо конкретного вопроса (напр., паркинга), группы протеста	0,5	1,2	0,3	0,4	1,0	0,4	1,3	1,7			

Организации взаимопомощи, напр. общества лиц с ограниченными физическими возможностями, одиноких отцов, анонимных алкоголиков, безработных	0,6	1,1	0,4	1,0	1,3	0,8	2,5	1,6
Организации, деятельность которых связана с защитой окружающей среды	0,9	1,5	0,3	1,2	1,8	0,9	1,5	1,6
Профессиональные общества и самоуправления	0,7	0,8	0,5	0,9	0,5	0,5	1,0	1,6
Общества по защите животных	1,1	1,1	0,7	0,8	1,6	0,3	2,3	1,5
Научные общества	0,6	1,4	0,8	1,4	1,2	0,5	2,3	1,4
Территориальные (гминные) самоуправления	1,1	1,3	0,2	1,1	0,9	0,8	1,1	1,4
Организации, поддерживающие учреждения здравоохранения	0,7	1,2	0,6	0,8	1,5	0,9	1,7	1,2
Организации фронтовиков, ветеранов, жертв войны	1,4	1,3	0,9	1,4	1,2	1,0	0,6	1,2
Рабочие советы	0,4	0,3	0,2	0,8	1,1	0,4	0,6	1,2
Общества дружбы с другими странами, народами	0,1	0,7	0,1	0,7	0,6	0,4	1,1	1,1
Политические партии и общества	0,3	0,8	0,6	0,7	0,7	0,4	0,7	1,1
Туристические организации, общества	1,6	2,0	0,6	1,3	0,9	1,1	1,7	1,0
Женские организации, напр. кружки сельских хозяек	1,0	1,5	0,8	1,2	0,8	1,0	0,8	1,0
Общества любителей города, региона, напр. занимающиеся защитой историко-культурных и архитектурных памятников, развитием региональной культуры	0,7	0,8	0,4	0,6	0,8	1,0	1,9	0,9
Общества, клубы коллекционеров, по интересам	0,5	0,7	0,7	1,2	0,7	1,0	1,5	0,7
Органы самоуправления воеводства, повята	-	0,4	0,1	0,5	0,2	0,7	0,7	0,5
Другие организации, общества, движения, клубы или фонды	0,2	0,9	0,2	0,3	0,9	1,7	1,4	1,7

Источник: *Aktywność społeczna w organizacjach obywatelskich*, komunikat CBOS, Warszawa 2012.

Политическая культура – тенденции и перспективы

Для оценки перспектив трансформации политической культуры необходимо учесть развитие Интернета и новых возможностей политического общения, или даже политического участия при использовании новых СМИ. Интересно также сопоставление политической культуры пользователей Интернета и общества в целом. Осуществление такого анализа возможно благодаря результатам ряда исследований¹⁶. Собранные данные позволяют сформулировать следующий вывод: польские Интернет пользователи являются более активной группой не только в различных сферах повседневной жизни, но больше, чем население в целом, интересуются политикой. Уровень заинтересованности часто меняется, можно сказать – колеблется. Необходимо констатировать оживление во время избирательных кампаний. В период между кампаниями заинтересованность политикой ослабевает. Чрезмерное количество импульсов новых СМИ вызывает апатию. Исследования показывают, активность партий, избирательных штабов и отдельных кандидатов в новых СМИ растет, но это совсем не означает улучшения качества коммуникации. У них отсутствует профессионализм. Штабы не осознают совпадения каналов информации. Дискуссия на политические темы также в Интернете, если до нее вообще доходит, часто аналогично другим средствам массовой информации, касается не столько важных вопросов, сколько тех, которые хорошо «продаются». Можно заметить своего рода аутизм избирательных штабов. Большинство из них теряет своеобразное преимущество Интернета, коим является интерактивность и возможность свободной дискуссии. Сообщения партий в новых СМИ напоминают монолог. Все эти обстоятельства отнюдь не способствуют привлечению пользователей Интернета к политике и дебатам на ее тему.

Существенным фактором, который мог бы поддержать формирование консолидированной демократии и политической культуры участия, является капитал общественного и политического доверия. О капитале политического доверия, в действительности, сложно говорить. Большинство пользователей Интернета, аналогично тому, как это формируется в обществе, не доверяет политическим партиям. Также невысок уровень доверия к большинству

¹⁶ Источником являются исследования, проведенные Институтом Политических наук Варшавского университета в 2010–2011 годах. 1/Исследование *Политическая культура поляков в Интернете в президентской избирательной кампании 2010 года*, проведено он-лайн анкетирование (CAWI) 10–14 июня 2010 года среди 720 совершеннолетних польских пользователей Интернета. 2/Исследование *Политическая культура польских пользователей Интернета*, проведено он-лайн анкетирование (CAWI). 27 сентября–5 октября 2011 года среди 757 респондентов со всей страны.

политических организаций. Вдобавок можно констатировать тенденцию снижения уровня. Сокращается группа людей, доверяющих главным организациям системы. Можно дискутировать, является ли отсутствие доверия к государственным органам власти негативным явлением и тревожным сигналом, как сказал бы, например, Петр Штомпка¹⁷, или, как пишут, к примеру, Гирт Букерт и Стивен Ван де Валле¹⁸, что это проявление здоровой гражданской реакции, которая предотвращает авторитарные наклонности правящей элиты и способствует функционированию общественного контроля. Тем не менее, нет предпосылок для утверждения – по меньшей мере – в области политики, что формируется капитал доверия. Тенденция снижения уровня доверия является свидетельством потери легитимности правящих групп. Уменьшается также восприятие обществом в целом и польских пользователей Интернета в частности, способа функционирования демократии. Причиной этого, очевидно, являются острые политические конфликты с одной стороны, и структурная прогнозируемость польской политической сцены – с другой. Процент удовлетворенных реальной формой демократии сокращается, но это еще не свидетельствует об отсутствии легитимности политической системы, сформированной в Польше, но свидетельствует об убеждении в том, что многое необходимо изменить, исправить.

Характеризуя тенденции в аспекте поведенческого компонента политической культуры, необходимо констатировать, что уровень политического участия в среде пользователей Интернета не растет, а даже можно заметить признаки снижения активности. Хотя большая группа пользователей Интернета использует этот ресурс для поиска информации о политике, но это осуществляется слишком «лениво», малоактивно. Снижается процент людей, использующих более широкий спектр Интернет источников. Сокращается также количество людей, использующих Интернет для распространения информации на политические темы. Одновременно с ростом критики способа функционирования системы можно отмечается тенденция к радикализации мнения на тему нетрадиционных форм участия. Растет как среди населения в целом, так и пользователей Интернета в частности, количество людей склонных принять различные формы протестов. Можно утверждать, что в дальнейшем последует повышение склонности участия в них. Ярким

¹⁷ P. Sztompka, *Zaufanie, nieufność i dwa paradoksy demokracji*, [в:] P. Sztompka, P. Kucia (ред.) *Socjologia. Lektury*, Kraków 2005, с. 401–402.

¹⁸ G. Bouckaert, и S. Van de Walle, *Comparing Measures of Citizen Trust and User Satisfaction as Indicators of Good Governance: Difficulties in Linking Trust and Satisfaction Indicators*, “International Review of Administrative Sciences” 2003, vol. 69, № 3, с. 329 и далее. Авторы утверждают: «низкий уровень доверия часто воспринимается как выражение здорового демократического отношения, в то время, как высокий уровень доверия может облегчить формирование репрессивного режима».

и эффективным тому примером была волна протестов против подписания Польшей договора АСТА (Международного соглашения по борьбе с контрафактной продукцией). Данное событие вызвало протесты многих групп пользователей Интернета, а проходившие потом дебаты были признаны частью пользователей Интернета неискренними, представляющими собой скорее прием пропаганды, чем попытку ведения реального диалога¹⁹.

Рассматривая перспективы политической культуры и коммуникации необходимо заметить, что возможности, создаваемые новыми медиа, сегодня огромны и будут еще больше. Возникают все новые и новые формы, инструменты коммуникации в медиа. Можно дискутировать, успеют ли воспользоваться этими возможностями политики и простые граждане. Проведенные анализы применения Интернета в избирательных кампаниях для диалога между различными субъектами, участия в политике приводят к выводу, что в Польше сфера политики еще не достигла уровня развития новых СМИ. Как элиты, так и остальные пользователи Интернета, пока экспериментируют с применением новых СМИ. В коммуникации элит с избирателями через Интернет в большинстве случаев недостает профессионализма и это не только в техническом аспекте, но также и в содержании, сути. Граждане, использующие Интернет, в свою очередь, в большей мере не убеждены в том, что могут стать создателями и передавать политическую информацию, применяя новые масс-медиа. Интернет не предопределяет в Польше результаты выборов. Активность в этой сфере – что усвоили политики – необходима, но это все еще не является доминирующим средством, первоочередным в политическом диалоге. Оно воспринимается в нашей стране как дополнительное средство коммуникации.

Заключение

В политической культуре польского общества появилось два новых явления, имеющих свои позитивные и негативные стороны. Определенные ценности и модели поведения являются факторами, стимулирующими системные реформы и способствующими формированию консолидированной демократии, а другие воздействуют деструктивно. На примере доверия к государственным институтам и организациям можно сказать, что изменения в политической культуре присутствовали в аспекте аксиологического и оценочно-эмоционального компонентов. Возросли требования населения

¹⁹ См. J. Garlicki, D. Mider, *Wykorzystanie Internetu w komunikowaniu politycznym elit z wyborcami*, „Studia Politologiczne” 2012, vol. 25, c. 203–204.

к политикам, и повысился критицизм в их оценке. Это может быть фактором, способствующим повышению качества демократии. Временно определенный кризис социального доверия коснулся польского парламентаризма. Это негативная сторона происходящих процессов. Однако, это не означает, что польское общество отбросило плюралистическую демократию и ее механизмы. Невысоко оценивается, в свою очередь, значительная часть политических элит, которые – по мнению многих граждан – не соответствуют стандартам развитой парламентской демократии.

Возрастает роль новых СМИ в политической коммуникации, это станет фактором влияния на политическую культуру. Новые возможности потенциально должны способствовать процессам совершенствования способа функционирования демократической системы хотя бы путем стимулирования общественных дебатов. В настоящее время более вероятно что широкое использование Интернета в области политики и развития политической культуры будет осуществляться по сценарию, под названием *технореализм*²⁰. Это значит, что люди активные в разных сферах общественной жизни, в том числе в области политики, и в то же время пользующиеся Интернетом, будут иметь больше возможности, как для получения, так и создания информации на политические темы. В людях мало активных и не интересующихся политикой, возможности Интернета не пробудят интерес к данной сфере общественной жизни и участия в ней. Кроме того, все еще значительная часть населения не пользуется Интернетом. Ее можно назвать группой цифровой маргинализации. Для них возможности политической информации и политического участия, которые предлагают новые медиа – это все еще утопия.

РЕЗЮМЕ

Текст посвящен политической культуре польского общества после 1989 г. Чтобы раскрыть ее специфику, в работе представлены исторические модели политической культуры польского общества периода Первой Речи Посполитой, а также времен ПНР. На фоне исторической перспективы формулируется следующий тезис: после 1989 г. в политической культуре польского общества появились новые существенные явления. Определенные ценности и модели поведения являются факторами, стимулирующими системные реформы и способствующими формированию консолидированной демократии, однако некоторые действуют деструктивно. На примере доверия к государственным институтам и организациям можно сказать,

²⁰ Ср. A.G. Wilhelm, *Democracy in the Digital Age. Challenges to Political Life in Cyberspace*, Нью-Йорк–Лондон 2000, с. 14 и сл.

что изменения в политической культуре произошли в плоскости аксиологического и оценочно-эмоционального компонентов. Возросли требования населения к политикам, а также повысился уровень критицизма в их оценке. Это может стать фактором, стимулирующим повышение качества демократии. Временно определенный кризис общественного доверия коснулся польского парламентаризма. Это негативная сторона происходящих процессов. Однако, это не означает, что польское общество отбросило плюралистическую демократию и ее механизмы. Невысоко оценивается, в свою очередь, значительная часть политических элит, которые – по мнению многих граждан – не соответствуют стандартам развитой парламентской демократии.

Возрастает роль новых СМИ в политической коммуникации и это станет фактором влияния на политическую культуру. Новые возможности потенциально должны способствовать процессам совершенствования способа функционирования демократической системы хотя бы путем поощрения общественных дебатов. В настоящее время, более вероятно, что использование Интернета в области политики и политической культуры будет осуществляться по сценарию, под названием *технореализм*²¹. Люди активные в разных сферах общественной жизни, в том числе, в сфере политики, пользующиеся Интернетом, будут иметь больше возможностей, как для получения, так и создания информации на политические темы. В людях мало активных и не интересующихся политикой, возможности Интернета не пробуждают интерес к данной сфере общественной жизни и участия в ней. Кроме того, все еще значительная часть населения не пользуется Интернетом. Ее можно назвать группой цифровой маргинализации. Для них возможности политической информации и политического участия, создаваемые новыми медиа, – это утопия.

Jan Garlicki

POLITICAL CULTURE OF THE POLISH SOCIETY

The text is devoted to the political culture of the Polish society after 1989. To show its specificity, the historic models of the political culture of the Polish society were referred to: both from the period of the First Republic of Poland and from the time of the People's Republic of Poland. From the historic perspective a thesis is put forward that new significant phenomena emerged in the political culture of the Polish society after 1989. Certain values and behaviour models stimulate reforms of the system and favour the shaping of consolidated democracy, while others have a dysfunctional impact. On the example of trust in public institutions it may be stated that changes in the political culture took place within the axiological and the evaluative-affective components. The citizens' expectations towards politicians rose and their criticism in assessing them increased. This

²¹ Cp. A.G. Wilhelm, *Democracy in the Digital Age. Challenges to Political Life in Cyberspace*, Нью-Йорк–Лондон 2000, с. 14 и сл.

might be a factor stimulating the improvement of the quality of democracy. For some time, a certain crisis of public confidence could be seen in the Polish parliamentary system. This is the more negative side of the ongoing processes. This does not mean, however, that the Polish society rejects pluralist democracy with its mechanisms. A huge part of the political elites is negatively assessed. In the opinion of many citizens they do not fulfill the standards required by the well-developed parliamentary democracy.

The role of the new media in political communication is increasing and this will be a factor influencing the political culture. New opportunities should potentially favour the processes of improving the functioning of the democratic system, e.g. by stimulating the public debate. At the moment, however, it is more likely that the increasing use of the Internet in the field of politics as well as the development of the political culture will follow the scenario called *technorealism*. The people who are active in a variety of domains of social life, involving the field of politics, and who use the Internet will have greater and better opportunities to both obtain and create the information concerning politics. The people who are not very active and who are not interested in politics will not be encouraged by the Internet either to get interested in this field of social life or to participate therein. Besides, a considerable group of citizens still does not use the Internet. It may be called a group of digital marginalization. For them the opportunities of political information and participation provided by the new media are still Utopia.

KEY WORDS: *Poland, political culture, dynamics, society*

Библиография

- G.A. Almond, *Communism and Political Culture Theory*, "Comparative Politics" 1983, vol. 15, № 2.
- G. Bouckaert, и S. Van de Walle, *Comparing Measures of Citizen Trust and User Satisfaction as Indicators of Good Governance: Difficulties in Linking Trust and Satisfaction Indicators*, "International Review of Administrative Sciences" 2003, vol. 69, № 3.
- R. Dahrendorf, *Rozważania nad rewolucją w Europie*, Warszawa 1991.
- J. Garlicki, *Kultura polityczna młodzieży studenckiej*, Warszawa 1991.
- J. Garlicki, *Traditions and Dynamics in the Political Culture of Polish Society*, [в:] J. Błuszkowski, S. Sulowski (ред.), *Dilemmas of Polish Transformation*, Warsaw 2010.
- J. Garlicki, *The Political Culture of Polish Society*, [в:] S. Sulowski (ред.), *The Political System of Poland*, Warsaw 2007.
- J. Garlicki, D. Mider, *Wykorzystanie Internetu w komunikowaniu politycznym elit z wyborcami*, „Studia Politologiczne” 2012, vol. 25.

- J. Garlicki, A. Noga-Bogomilski, *Kultura polityczna w społeczeństwie demokratycznym*, Warszawa 2004.
- K.B. Janowski, *Kultura polityczna Polaków u progu XXI wieku*, [B:] K.B. Janowski (red.), *Kultura polityczna Polaków*, Toruń 2010.
- C. Offe, *Drogi transformacji. Doświadczenia wschodnioeuropejskie i wschodnioniemieckie*, Warszawa–Kraków 1999.
- R. Putnam, *Demokracja w działaniu*, Kraków 1996.
- J. Siemieński, *Konstytucja 3 Maja 1791 jako wyraz polskiej kultury politycznej. Odczyt wygłoszony na uroczystym obchodzie rocznicy 3 Maja w UW*, wyd. „Koła Prawników” studentów UW, Warszawa 1916.
- P. Sztompka, *Zaufanie, nieufność i dwa paradoksy demokracji*, [B:] P. Sztompka, P. Kucia (red.) *Socjologia. Lektury*, Kraków 2005.
- A.G. Wilhelm, *Democracy in the Digital Age. Challenges to Political Life in Cyberspace*, Нью-Йорк–Лондон 2000.
- M. Ziółkowski, *Cztery funkcje pamięci społecznej (przypadek Polski)*, [B:] A. Kodera, K. Z. Sowa (red.), *Los i wybór. Dziedzictwo i perspektywy społeczeństwa polskiego*. Pamiętnik XI Ogólnopolskiego Zjazdu Socjologicznego, Rzeszów 2003.